04 2004

Общие понятия, часть 1: опрос рабочих, совместное исследование, повышение сознательности

Marta Malo de Molina

Перевод с англ. Александра Скидана под редакцией Алексея Пензина

Авторизовано Мартой Мало, Мадрид, август 2004
Отредактировано другими членами Nota Rojas в сети, февраль 2006

На протяжении современной истории со стороны движений за социальное преобразование просматривается стойкое недоверие к определенным формам производства и распространения знания. С одной стороны, это недоверие к тем наукам, которые способствуют улучшению организации принуждения и эксплуатации, равно как недоверие к механизмам захвата малых знаний[i]

(андеграунда, взошедшего на дрожжах волнений и неподчинения, вскормленного процессами автономной социальной кооперации и непокорности[1]*) инстанциями, отвечающими за обеспечение системы управления. С другой стороны, во многих случаях имело место недоверие к тем предположительно «революционным» идеологическим и символическим формам знания – и подозрительность в отношении тех возможных интеллектуалистских и идеалистических мутаций знания, что первоначально зародились в сердце самих же движений. Это недоверие в некоторых ситуациях заводило в тупик. В тех же процессах борьбы и самоорганизации, которые развивались наиболее ярко и динамично, существовало стремление к производству своих собственных знаний, языков и образов посредством соединения теории и практики, процедуры, отталкивающейся от конкретной реальности, идущей от простого к сложному, от конкретного к абстрактному. Цель состояла в том, чтобы создать соответствующий оперативный теоретический горизонт, как можно более близкий к поверхности «прожитого», где простота и конкретность элементов, из которых он возник, обретает смысл и потенциал.

Сегодня, на заре третьего тысячелетия, когда реальность наших матерей и дедушек, кажется, разлетелась вдребезги на наших глазах (вместе с

поражением антисистемных движений, начиная с периода после 68-го г., с концом мира, определенного ялтинскими соглашениями, исчезновением «рабочего движения» как субъекта, концом индустриальной парадигмы, информационными и технологическими новшествами, автоматизацией, детерриториализацией и реорганизацией производства, монетизацией и глобализацией экономики, утверждением формы государства, основанного на войне как векторе нормативного производства)[2] и когда единственное, что остается неизменным – это само изменение – и изменение головокружительное, – некоторые действия обретают неотложный и необходимый характер. Необходимо избавиться от фетишей и идеологических предпосылок, слишком занятых Бытием и сущностью, и необходимо составить оперативные карты, прочертить рабочие картографии, возникающие из динамики самоорганизации, чтобы иметь возможность вмешаться в реальность и, быть может, преобразовать ее. Это карты, необходимые нам, чтобы ориентироваться и двигаться в ландшафте отношений и механизмов господства, претерпевающих ускоренную мутацию. Но это и карты, которые могут помочь нам разместить самих себя в этом гиперфрагментированном ландшафте, установить отправную точку и связующее звено, где производство знания и субъективность встречаются в созидании общего, расшатывая реальность.

Эта необходимость еще больше усиливается, если такое вообще возможно, центральным положением, каковое «знание» и весь набор родовых человеческих способностей (язык, аффекты, коммуникабельность, социальные навыки, остроумие и кооперация...) обрели в определении экономической ценности любой деятельности. Обобщая, они достигли центрального положения в конкуренции в высших эшелонах глобальной экономики, превратившись в стратегические ресурсы – с капиталистической точки зрения – для извлечения прибыли и координации гибкой, делокализующей и построенной по сетевому принципу экономики. Со всеми этими трансформациями связана (по крайней мере в том, что касается труда) фигура виртуоза: работника, ранее считавшегося непроизводительным, который не оставляет после себя осязаемого продукта, но осуществляет задачу, основанную на выполнении или исполнении [performance][ii]. Это может быть поддержка и распоряжение потоком информации, выстраивание и гармонизация отношений, производство новаторских идей и так далее. Фигура виртуоза самой своей деятельностью бросает вызов традиционному разделению между Трудом, [политическим] Действием и Интеллектом (Ханна Арендт): поставленный на службу труду, интеллект становится общим, мировым, и на первый план выходит его отличительная черта как

общественного блага. В то же время, труд, встроенный в интеллект, становится продуктом как деятельностью-не-имеющей-конца, чистой виртуозностью, реализуемой в отношениях с другим, с другими, кто образует цепочки производства. Наконец, в слиянии интеллекта и труда, а также в силу того, что и тот и другой вбирают свойства, которые до тех пор относились исключительно к [политическому] действию, само действие оказывается совершенно затененным – после того, как его своеобразие было стерто.[3]

В связи со всем этим (не как однозначное или прямое следствие, а скорее как сложные и парадоксальные отношения) идет необычайно быстрое распространение экспериментов и поисков в сферах мысли, деятельности и высказывания. Это распространение наблюдается в сетях социальных связей, которые стремятся преобразовать нынешнее положение вещей (и в рамках общественной формации, которая уже сама по себе виртуозна, поскольку вынуждена быть таковой, чтобы выжить). Эти начинания пытаются выяснить: 1) как порвать с идеологическими фильтрами и унаследованной системой взглядов; 2) как производить знание, которое возникает непосредственно из конкретного анализа территорий жизни и кооперации, из опыта волнений и бунтов; 3) как заставить это знание работать на преобразование общества; 4) как сделать

эффективными знания, которые уже циркулируют в сетях социальных движений; 5) как наделить эти знания полномочиями и соединить их с практикой... и, наконец, 6) как присвоить наши интеллектуальные и психические способности, вырвав их у динамики труда, производства прибыли и/или системы управления, и как объединить их с коллективной (подрывной, преобразовательной) деятельностью, направив их к творческим вторжениям.

Вопросы эти, разумеется, не новы, чего не скажешь о контексте, в котором они ставятся. В самом деле, многие сегодняшние опыты и эксперименты, поднимающие эти вопросы, обращали свои взгляды назад в поиске исторических референций. Они ищут те примеры, где производство знания было непосредственно и плодотворно связано с процессами самоорганизации и борьбы. В этом смысле, в недавней истории можно обнаружить четыре вдохновляющие тенденции: опросы рабочих и совместное исследование, феминистская эпистемология, группы, созданные с целью повышения сознательности женщин, институциональный анализ и активистское исследование через участие или PAR (participatory action research). Все эти примеры заслуживают (в силу богатства накопленного опыта), по меньшей мере, беглого обзора в стиле исторического экскурса, который позволит нам поместить текущие дискуссии и траектории

активистского исследования в определенный контекст. Большую часть этого введения мы и посвятим этому историческому пути.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ

Опрос рабочих и совместное исследование

Опрос рабочих, когда рабочие сами используют техники академической промышленной социологии (социологии, которая развивалась и использовалась с целью улучшения управления заводами и прилегающими районами), берет начало, по меньшей мере, с самого Карла Маркса. В 1881 году «Revue Socialiste» обращается к Марксу с просьбой разработать анкету о положении французского пролетариата. Маркс сразу же принимается за эту задачу, так как считает важным для французского рабочего движения и его фракций, столь подверженных пустопорожней болтовне и легкомысленному утопизму, поставить свою борьбу на более реалистичную почву. И Маркс составляет необычную анкету из более сотни вопросов, тысячи экземпляров которой разойдутся по заводам и фабрикам страны. Почему необычную? Потому что эта анкета отказывается от нейтрального подхода к миру труда, она противостоит подходу, который стремится извлечь только полезную информацию или удостоверить определенные факты. Эта анкета открыто занимает одну из сторон (сторону

действительности рабочих) и ставит вопросы, которые социолог-эмпирик расценил бы как предвзятые. Ее суть не в том, чтобы выхватить факты из непосредственного опыта, наоборот, в первую очередь она направлена на то, чтобы побудить рабочих критически задуматься об их конкретной действительности.[4]

Идея «совместного исследования», то есть формы исследования, которое подрывает разделение на субъекта-исследователя и исследуемый объект, появится лишь в пятидесятые годы в Соединенных Штатах. Это появление связано, с одной стороны, с бурным расцветом промышленной социологии и переносом центра внимания на группы людей как особое поле социологического исследования (социология «человеческих отношений» Элтона Майо[5]); а с другой стороны, с рассказами рабочих.[6] Однако эти интуитивные прорывы рассматривались исключительно с точки зрения академической социологии. Итальянец Алессандро Пиццорно, импортировав их в Европу, помог разработать их политическое измерение. Вместе с группой итальянских активистов-интеллектуалов (включая Романо Альквати и Данило Монтальди[7]), между 1966 и 1967 гг. Пиццорно начнет трансформировать и радикализовать эти методы, применяя их на практике к противостояниям в провинции Кремона.

В шестидесятых-семидесятых годах использование опроса рабочих и совместного исследования распространяется в различных форматах: как метод анализа форм эксплуатации на заводе и прилегающих районах, равно как и механизм отслеживания форм неподчинения, применявшийся коллективами таких журналов, как «Quaderni Rossi» и «Quaderni del territorio» в Италии, или такими группами, как «Социализм или Варварство» во Франции. Но во многих случаях эти техники задействовались самими же рабочими на местах – более или менее гибко, без вмешательства со стороны теоретиков или «специалистов» извне, не включенных в процессы самоорганизации. Эти техники применялись как способ создания платформ для борьбы.[8] В Испании журналы «Теория и практика» и «Борьба и теория» разработают собственные формы исследования рабочих, задуманные для написания истории классовой борьбы, «рассказанной самими ее протагонистами» (как гласил подзаголовок журнала «Теория и практика»).

На наш взгляд, стоит уделить особое внимание использованию опроса рабочих в итальянском операизме (секции итальянского рабочего движения).[9] Молодые операисты, первоначально объединившиеся вокруг журнала «Quardeni Rossi»[10], пытались объяснить кризис рабочего движения в пятидесятые – начале шестидесятых годов. Для них этот кризис было

невозможно интерпретировать просто как результат либо теоретических ошибок руководителей левых партий, либо их же предательства (аргумент, повторявшийся ортодоксами из коммунистической и анархо-синдикалистской секций рабочего движения). В отличие от них, операисты доказывали, что кризис разразился в силу значительных изменений в производственных процессах и композиции рабочей силы, вызванных «научной организацией труда». Таким образом, использование опроса должно было выявить «новое положение рабочих». Изучение положения этих новых субъектов, того, каким образом они могут заново открыть пространства конфликта и вдохнуть новые силы в требования рабочих, стало центральной темой практики и дискурса операистов.

Вместе с тем, с самого начала вокруг процедуры и базисной точки исследования возникли расхождения. Как сообщает нам Дамиано Паланто, «начиная с образования первой группы “Quaderni Rossi”, возник фундаментальный раскол вокруг формы и целей опроса. С одной стороны, имелась фракция “социологов” (возглавляемая Витторио Рейзером)[11], на тот момент наиболее многочисленная. Эта фракция понимала вопросник как когнитивный инструмент, предназначенный для осмысления изменившейся реальности рабочих, и ориентировалась на создание инструментов для

осуществления теоретического и политического обновления официальных институтов рабочего движения. С другой стороны, были Альквати и другие (Соаве и Гапаротто), которые, основываясь на заводском опыте в США и Франции, рассматривали опрос как опору для политического вмешательства, направленного на организацию сопротивления рабочих. С точки зрения конкретных целей опроса, это было значительное разногласие. Еще большее разногласие царило с точки зрения метода: если первая фракция актуализировала марксистскую теорию при помощи тем и методов северо-американской промышленной социологии, Альквати предлагал своего рода стратегическое исследование в рамках изучения завода».[12]

В чем же заключался этот стратегический опрос, предложенный Альквати, тем самым Альквати, который вместе с Данило Монтальди разработал метод совместного исследования и которого помнят за то, что на заводы «Фиат» и «Оливетти» он ездил на велосипеде? На чем основывался этот эпистемологический и методологический поворот, присутствовавший в наиболее интересных случаях использования опроса рабочих в рамках итальянского операизма? Коротко говоря, его основой была теория классовой композиции, к которой позднее добавится теория самоусиления *(*или самоволяризации*,* повышения собственной значимости*)* рабочих. Эти концепции смыкались

с вдохновленной Лукачем «теорией рабочих» и с «коперниканской революцией», инициированной Марио Тронти, еще одним операистом. Имплицитной основой для Тронти послужило представление о «рабочей автономии». Иными словами, потенциальная автономия рабочего класса относительно капитала. Но обо всем по порядку.

Понятие классовой композиции отсылает к субъективной структуре потребностей, поведенческих моделей и практик сопротивления, отложившейся за долгую историю различных противостояний. Первая разработка этой концепции появляется уже в ранних работах Альквати, напечатанных в «Quaderni Rossi». Однако этой первой («органической») формулировки придется ждать, пока ее введут в операистский словарь. Это произошло, когда журнал «Classe Operaia»[13], на второй год своего существования, решил включить специальный раздел под этим самым названием (классовая композиция), который и возглавлял сам Альквати.

Каковы же фундаментальные элементы теории классовой композиции? Их три: 1) идея существования подспудной молчаливой борьбы, которую рабочие ежедневно ведут против капиталистической организации труда; 2) представление о том, что иерархическая организация капиталистического предприятия

является, по сути, ответом на сопротивление рабочих; 3) интуиция, что все циклы борьбы оставляют политические отложения, которые кристаллизуются в субъективную структуру рабочей силы (в качестве потребностей, моделей поведения и практик сопротивления) и демонстрируют определенную степень ригидности и необратимости.

Очень скоро теория классовой композиции станет более сложной из-за разграничения между «технической композицией» и «политической композицией». Первая отсылает к состоянию рабочей силы в ее внутреннем отношении с капиталом в конкретный исторический момент, а вторая – к набору (антагонистических) моделей поведения, которые в этот момент определяют класс. Некоторые секции операистов[14], правда, проигнорировали теоретическое богатство этого разграничения, и даже самого понятия классовой композиции. Они свели техническую композицию к простому экономическому фактору, а политическую композицию отождествили с партией (и с идеологиями и организациями рабочего движения). Тем не менее, теория самоусиления как процесса классовой композиции (разработанная в семидесятых годах Антонио Негри) помогла укрепить более сложную интерпретацию: определение политической композиции как продукта моделей поведения, традиций борьбы и

конкретных практик саботирования работы (все из которых исключительно материальны), развитых множественными субъектами в данный исторический момент, в определенном экономическом и социальном контексте.

Теории классовой композиции и самоусиления имели решающие последствия для практики опроса рабочих. Группа «молодых социологов-социалистов», писавших в «Quaderni Rossi», не приняла эти последствия во внимание. Для них опрос ограничивался рассмотрением «эффектов», порождаемых трансформацией производства, воздействия этой трансформации на рабочих, на их физическое и психологическое состояние, их финансовое положение и на отдельные аспекты жизни. Однако другой сектор работающих над операистским опросом поддержал идею классовой композиции как продукта исторических отложений предшествующих столкновений, который в то же время постоянно обновляется в силу процесса самоусиления, укорененного в материальности бунтарских практик, исходящих от множественных субъектов производства. В результате опрос был задуман как уходящий от затвердевших уровней общественного антагонизма, с тем, чтобы проследить подпочвенные – и часто невидимые – траектории волнений и неподчинения на уровне повседневной жизни.[15]

Эта версия изучения положения рабочих подразумевала дальнейший шаг в направлении отхода от простого опроса к процессу совместного исследования: с одной стороны, внедрение активистов-интеллектуалов, осуществляющих исследование, на территорию объекта (почти всегда завод, иногда – прилегающие районы), превращение их в дополнительных субъектов-факторов этой территории. С другой стороны, активное включение населяющих эту территорию субъектов (по большей части рабочих, но иногда студентов и домохозяек) в процесс исследования, одновременно превращающее их в субъектов-исследователей (а не просто объекты). Когда это двойное движение срабатывало должным образом, производство знания, возникающего в процессе исследования, взаимно питало и процесс самоусиления, и производство бунтарской субъективности на заводе и прилегающих районах.[16]

Женские группы повышения сознательности и феминистская эпистемология

Хотя предшественников можно обнаружить в прошлых столетиях – таких как неформальные встречи женщин и опыты наподобие «Blackclubwomen's Movement» после Гражданской войны в США (1865)[17] – группы повышения

сознательности в строгом смысле родились на волне радикального феминистского движения в США в конце шестидесятых годов. Практику коллективного анализа угнетения, возникшую в группах женщин, которые делились своими чувствами и переживаниями, окрестила повышением сознательности [consciousness-rising] Кэти Сарачайлд. Это случилось в 1967 году в рамках движения «Радикальные Женщины Нью-Йорка».

С самого начала своего возникновения женские группы повышения сознания были нацелены на то, чтобы сфокусировать внимание на самоанализе, на осознании женщинами своего угнетенного положения; задачей было активизировать политическое переосмысление их собственной жизни и заложить основу для ее преобразования. Следуя радикальной феминистской терминологии, они стремились «пробудить латентное сознание». Они надеялись, что благодаря практике повышения сознательности женщины станут экспертами по собственному угнетению, выстроив теорию на основе личного и интимного опыта, а не из фильтра предыдущих идеологий. Кроме того, эта практика искала признания голосов и опыта коллектива, который на протяжении истории систематически маргинализировался и принижался.

Лозунг «личное – это политическое» родился из этой же практики. Этот лозунг, наряду с другими, требовал признать практику повышения сознательности, основанную на исторической борьбе и революциях, в качестве «научного метода». Как сказала сама Кэти Сапачайлд: «Решение выдвинуть на первый план наши собственные чувства и переживания как женщин и поверить все сделанные нами обобщения и прочтения нашим собственным опытом являлось по существу научным методом исследования. В сущности, мы повторяли вызов, брошенный наукой в XVII столетии схоластике: “изучай природу, а не книги” и проверяй все теории живой практикой и действием. То был также метод радикальной организации, опробованный другими революциями. Мы обращались к женщинам и к самим себе как организаторам женского освобождения – практика, которую многие из нас почерпнули в качестве организаторов в движении за гражданские права на Юге в начале 1960-х».[18]

Активистки групп повышения сознания были убеждены, что единственный способ создать радикальное движение – это начать с себя. Это был еще один лозунг, ставший популярным в феминистском движении: «Казалось очевидным, что знание того, как наши собственные жизни связаны с общим положением женщин, сделает нас лучшими борцами от имени женщин как целого. Мы чувствовали, что все женщины

должны посмотреть на борьбу женщин как на их собственную, а не как что-то, что помогает каким-то “другим женщинам”, что они должны увидеть эту истину их собственной жизни до того, как вовлекутся в радикальную борьбу за кого-то».[19]

Следовательно, группы повышения сознательности были механизмами, предназначенными одновременно производить истину и организовывать; теория и радикальное действие против подавляющей гендерной реальности шли рука об руку. Они не являлись ни предшествующей аналитической стадией, ограниченной во времени, ни целью самой по себе: «Повышение сознательности рассматривалось и как метод достижения истины, и как способ деятельности и организации. Это был способ для самих организаторов проделать анализ ситуации, а также способ, предназначенный для использования людьми, которых они организовали и которые, в свою очередь, организовали других людей. Сходным образом, он не рассматривался как всего лишь стадия развития феминизма, которая затем должна привести к другой стадии, стадии действия, но как неотъемлемая часть феминистской стратегии в целом».[20]

Поначалу создание групп повышения сознательности вызвало большой скандал, как

внутри женского движения, так и вовне. Их уничижительно называли «собраниями за чаем с печеньем», «курсами сплетней» или «шабашем ведьм» (в зависимости от личных вкусов, традиций женоненавистничества и предрассудков). Эти площадки служили мишенью всевозможных нападок, особенно обвинений в том, что они носят не политический, но, напротив, терапевтический характер, оставаясь на уровне отдельной личности. Сам лозунг «личное – это политическое» был придуман в ответ на эти критические стрелы, летевшие со всех сторон. Этот ответ был пронизан утверждающим и дерзким духом, который ставил под вопрос основы того, что до тех пор считалось «политическим».

Несмотря на первоначальный конфликт, практика повышения сознательности распространялась со сверхъестественной быстротой: женские группы и организации со всего мира, включая и те, которых раздражала аполитичность этих «шабашей ведьм»» (такие как «Национальная Организация для Женщин»), стали использовать практику повышения сознательности, приспосабливая ее к своим нуждам. Это привело к тому, что около 1970-го г. возникла тенденция к ее институционализации и формализации. Этот процесс превратил практику повышения сознательности в набор абстрактных методологических правил, оторванных от целей и конкретного контекста

движения, в котором они зародились. В этом отношении, Сарачайлд будет твердо настаивать, что повышение сознательности создает не «метод», но критическое оружие, легко приспосабливаемое к задачам каждой конкретной борьбы:

«Сопутствующие правила и методология – новая догма П-С, выросшая вокруг практики повышения сознательности по мере ее распространения – породили интерес к специалистам по методологии, как среди профессионалов (например, психоаналитиков), так и среди любителей. Посыпались издания формализованных «правил» и «руководств» по повышению сознательности, которые печатались и распространялись в женских группах с авторитетным видом, так, словно бы они представляли подлинную программу. Но новое знание – это источник силы и могущества повышения сознательности. Методы же просто служат этой конечной цели, их можно менять, если они не работают.[21]»

В конечном счете, основа повышения сознания была только одна, настолько же простая, насколько и трудная для осуществления: «Анализировать опыт нашей личной жизни и опыт движения, читать об опыте борьбы других людей и соединять их путем повышения сознательности – так мы не собьемся с курса,

продвигаясь как можно быстрее к освобождению женщин».[22]

Однако этот чрезмерный акцент на уровне чистой сознательности, а также идея, что «латентное сознание» угнетения их как женщин существует во всех женщинах, готовое к тому, чтобы сделать его видимым, заставили некоторые группы поверить в «истинное сознание». И понималось оно как уже существующий предмет, а не нечто, что еще только предстоит сформировать. Следуя этому представлению, некоторые группы сосредоточились в большей степени на интерпретации угнетения, а не на обнаружении альтернативных, подпольных практик неприятия и непокорности, не столь явных и, возможно, не столь «истинных» в те времена. Как бы то ни было, но практика повышения сознания представляла собой один из главных моторов феминистского движения семидесятых годов и предусматривала программы действий и требований, напрямую связанные с опытом тысяч и тысяч женщин: от зрелищного публичного сожжения бюстгальтеров, с которого начались «Радикальные Женщины Нью-Йорка», до нелегальных сетевых сообществ планирования семьи и самостоятельного лечения, расцветших во многих странах Европы и в США. Кроме того, многие интуиции, присутствовавшие в формулировках и практике этих встреч «за чаем с выпечкой», породят целую

феминистскую эпистемологию, разработанную женщинами-интеллектуалами в разных дисциплинах, начиная с семидесятых годов и до настоящего времени.

Прослеживать траектории различных направлений феминистской эпистемологии не входит в рамки этой статьи. Впрочем, в 1986 г. Сандра Хардинг сделала попытку проследить как раз такую траекторию, со всеми упрощениями и сокращениями, которые такого рода классификация подразумевает. Она проводит различие между теорией с феминистской точки зрения, постмодернистским феминизмом и практическим [empiricist] феминизмом.[23] С другой стороны, это история, разработанная главным образом в академической сфере, хотя ее воздействие сказалось на многих научных дисциплинах. Как бы там ни было, мы полагаем, что стоит упомянуть, пусть и мимоходом, некоторые общие понятия этих направлений феминизма. Особенно скрытые в практике повышения сознательности интуиции, которые служат вдохновляющей идеей для сегодняшних начинаний в области социально-критического исследования, активистского исследования или исследования-действия, связанных с динамикой самоуправления движений.

Прежде всего, важно упомянуть всестороннюю критику, разработанную феминистской

эпистемологией и направленную против современной позитивистской науки, чье око «видит все», будучи само «нигде»: образ, каковой на самом деле есть не более чем маска субъекта знания – чаще всего мужчины, белого, гетеросексуального, выходца из состоятельного класса и, как такового, занимающего господствующее положение и кровно заинтересованного в контроле и упорядочивании (тел, населения, природных, социальных и механических реалий...). Предполагаемая нейтральность под этим углом зрения управляется дуалистической парадигмой, которая наглухо скрепляет дихотомию дух/тело, где дух властвует над телесными «отклонениями» и своими аффектами, каковые неизменно ассоциируются с женскостью. В попытке расколоть этого лишенного материальной оболочки субъекта знания, не впадая при этом в релятивистские байки, феминистская эпистемология выдвинула идею субъекта знания, материализованного и укорененного в конкретной социальной структуре. Итак, это субъект, сексуализированный, укорененный там-то и там-то, производящий обусловленные ситуацией – но оттого не менее объективные – знания. Все обстоит ровно наоборот: как пишет Донна Харауэй «только пристрастная точка зрения обещает объективное видение». Эта пристрастная точка зрения требует политики локализации, вовлеченности и вступления на конкретную территорию, откуда предстоит

говорить, действовать и исследовать.[24] Непосредственно в связи с этой критикой, направленной на господствующие научные взгляды, феминистская эпистемология делает особый акцент на властных отношениях, задействованных в любом исследовании. Соответственно, она подчеркивает необходимость в социальной организации исследования, основанного на парадигме рефлексивности, а также критериях прозрачности и демократии. Наконец, через возрождение альтернативной, подпольной практики всех подчиненных групп, практики, взаимоотношения и повествования обретают свою ценность как часть процессов производства и передачи знания.

Данный текст является первой частью введения к книге «Общие понятия. Эссе и опыты на границе между научным исследованием и активизмом» *[*Nociones Comunes. Experiencias y Ensayos entre Investigación y Militancia. 2004. Madrid: Traficantes de Sueños (pp. 13-27)*]*.

---

[1]* Переводчики: Мария Изабель Казас-Кортес и Себастьян Кобаррубиас. Редакция перевода: *Notas Rojas Collective* и прежде всего Нэйт Холдрен. Этот текст был опубликован на правах Creative Commons, допускающих его свободное распространение и

некоммерческое использование, но при этом с указанием авторства. С разрешения автора переводчики включили в некоторых разделах (например, RAP) некоторый дополнительный материал и дополнили справочный аппарат. О понятии «малых» знаний см. работы Жиля Делеза и Феликса Гваттари, особенно *A Thousands Plateaux: Capitalism and Schizophrenia*. PreTextos, Valencia, 1997.

[2] См. Sánchez, Pérez, Malo and Fernández-Savater, "Ingredientes de una onda global", неопубликованная рукопись, написанная в рамках исследовательского проекта *Desacuerdos*: http://www.desacuerdos.org/

[3] Paolo Virno, "Virtuosismo y revolución. Notas sobre el concepto de acción política", in *Virtuosismo y revolución. La acción política en la era del desencanto, Traficantes de Sueños*, Madrid, 2003, pp. 89-116 [По-английски доступно как "Virtuousity and Revolution," электронная версия http://www.16beavergroup.org/mtarchive/archives/000941.php.]

[4] Yaak Karsunke and Gunther Wallraff, *Karl Marx. Encuesta a los Trabajadores*. Castellote ed., Madrid, 1973. [См. английскую версию, "A Worker's Inquiry," http://www.marxists.org/archive/marx/works/1880/04/20.htm.] В первых трех разделах анкеты вопросы сфокусированы на анализе характеристик самой эксплуатации, тогда как последний раздел побуждает рабочих задуматься о способах сопротивления их собственной эксплуатации.

[5] См. например, Elton Mayo, *Problemas humanos de una civilización industrial* [Human Problems of an Industrial Civilization], Buenos Aires, Nueva Visión, 1972.

[6] Это написанные от первого лица рассказы о повседневном опыте на заводе. Прекрасный пример такого рассказа – текст Пауля Романо и Риа Стоуна «El obrero americano» о положении рабочих и отношениях класс-завод-общество (The American Worker, Bewick Editions, Detroit, 1972; первоначально напечатан в виде брошюры *Johnson-Forest Tendency* of C.L.R. James and Raya Dunayevskaya в 1947 г. и переведен на итальянский Данило Монтальди. Подробнее об этом тексте и его значении см. Harry Cleaver, *Reading Capital Politically*, AK Press/AntiThesis, 2000).

[7] Далекие от фигуры органического интеллигента (Грамши), эти активисты-интеллектуалы проделали длинный путь политической вовлеченности, включая создание группы «Gruppo di Unitá Proletaria» (Кремона, 1957-1962), активное участие (в особенности Альквати) в таких журнала, как «Quaderni Rossi», колыбели итальянского операизма, и развитие тесных международных связей (в особенности со стороны Монтальди) с такими группами, как французская «Социализм или Варварство». У старшего по возрасту Монтальди, а через него и у таких иностранных авторов, как Даниэль Моте, Пауль Романо и Мартин Глаберман, Альквати будет учиться уделять особое значение скрытым

повседневным антагонизмам, исходящим из сетей предметной коммуникации, выстроенными рабочими и направленными против усиливающегося заводского контроля и «против работы» (как основы более зримых и взрывоопасных конфликтов).

[8] См. «Entre las calles, las aulas y otros lugares. Una conversación acerca del saber y de la investigación en /para la acción entre Madrid y Barcelona» («Между улицами, классными комнатами и другими местами. Разговор о знании и исследовании изнутри – и ради – действия между Мадридом и Барселоной») в той же публикации (сс. 133-167).

[9] Лучшие англоязычные источники по вопросу операизма: Steve Wright, *Storming Heaven: Class Composition and Struggle in Italian Autonomist Marxism*, Pluto Press, 2002; и Harry Cleaver, *Reading Capital Politically*, AK Press/AntiThesis, 2000.)

[10] Основан и редактировался неортодоксальным социалистом Раньеро Панциери. Выходил в 1961-1965 гг.

[11] Альквати называл их «молодыми социологами-социалистами»; помимо Витторио Рейзера к этому направлению принадлежали интеллектуалы Дино де Пальма, Эдда Сальватори, Дарио Ланцарно и Лилиана Ланзардо.

[12] Damiano Palano, “Il bandolo della matassa. Forza lavoro, composizione di classe e capitale sociale: note sul metodo dell’inchiesta”, http://www.intermax.com/temi/bandolo.html. Перевод и примечания автора.

[13] Выходил в 1964-1967 гг. Редакционный совет состоял по большей части из группы «Quaderni Rossi» (Марио Тронти, Романо Альквати, Альберто Азор Роза и Антонио Негри). Они вышли из редакции журнала из-за разногласий с фракцией Раньеро Панциери.

[14] Например, возглавляемая Массимо Каччьяри, который позднее вступит в ряды Итальянской Коммунистической Партии.

[15] См. Damiano Palano: “Il bandolo della matassa”, там же.

[16] Подробнее об использовании опроса и других аспектах итальянского операизма изнутри этого опыта, см. среди прочих: Guido Borio, Francesca Pozzi and Gigi Roggero, *Futuro anteriore. Dai “Quaderni Rossi” ai movimenti global: richezze e limiti dell’ operaismo italiano,* DeriveApprodi, Roma, 2002, y Nanni Balestrini and Primo Moroni, *L’Orda d’oro. 1968-1977: La grande ondata rivoluzionaria e creativa, politica ed esistenziale,* Feltrinelli, Milán, 1988. [См. Steve Wright, “Children of a Lesser Marxism?”, http://info.interactivist.net/article.pl?sid=04/12/16/1529237&mode=nested&tid=2 и Enda Brophy, “Italian Operaismo Face To Face”, http://info.interactivist.net/article.pl?sid=04/11/23/156200&mode=nested&tid=9]

[17] Blackclubwomen's Movement было образовано ассоциацией взаимной поддержки, состоявшей только из женщин. Они оказывали эмоциональную и материальную поддержку недавно освобожденным бывшим рабыням.

[18] Kathi Sarachild, "Consciousness-Raising: A Radical Weapon", in Feminist Revolution, Random House, New York, 1978, pp. 144-150. Электронная версия http://scriptorium.lib.duke.edu/wlm/fem/sarachild/html.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Sandra Harding, *The Science Question in Feminism,* Cornell University Press, Ithaca, 1986. Такие авторы, как Нэнси Хартсок, Хилари Роз, Патриция Хилл Коллинз и Дороти Смит представят теорию с феминистских точек зрения. Донна Харауэй и Мария Лугонес напишут о постмодернистском феминизме, а Элен Лонгино и Элизабет Андерсон – о критико-эмпирическом феминизме. Со временем границы между этими тремя направлениями размылись, как предсказывала сама же Сандра Хардинг. См. сжатые (хотя и энциклопедические) данные по вопросу о феминистской эпистемологии в начале «Feminist Epistemology and Philosophy of Science» в *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. См. также Sandra Harding,

Is Science Multicultural?: Postcolonialisms, Feminisms and Epistemologies, Indiana University Press, Bloomington, 1998.

[24] Donna Haraway, "*Conocimientos situados: la cuestión científica en el feminismo y el privilegio de la perspectiva parcial*" в *Ciencia, cyborgs y mujeres. La reinvención de la naturaleza*, Ediciones Cátedra, Madrid, 1995, p. 326.

---

[i] «Малые знания», или «малые науки» (например, знания пациента, заключенного, активиста) – понятие, разработанное Ж. Делезом в диалоге с концепцией «власти-знания» М. Фуко, – связаны с «контр-властью», ситуативными линиями сопротивления, «машинами войны», и противостоят «большим» и иерархизированным дискурсам «государственных наук». – Прим. ред.

[ii] Автор статьи опирается на концепцию виртуозности как модели новых видов труда, представленной в книге Паоло Вирно «Грамматика множеств». Основная идея состоит в том, что «виртуоз» (оратор, музыкант, исполнитель) не производит никакого осязаемого материального продукта, его деятельность состоит в ней самой; ее перформативность, а также обращенность к аудитории роднит ее с политическим действием. См.: Virno P. A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life. NY: Semiotext[e], 2004. – Прим. ред.